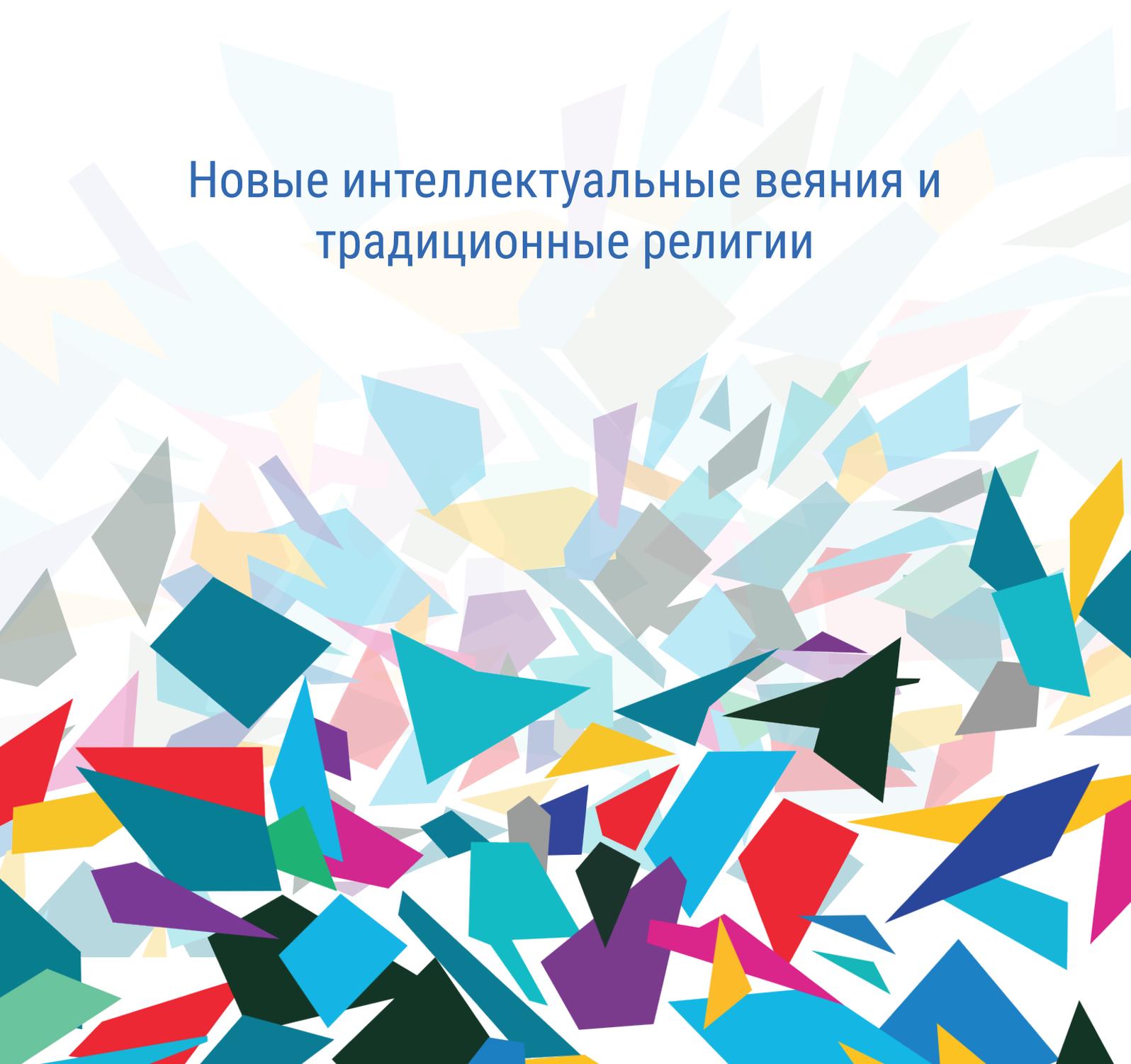

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Новые интеллектуальные веяния и
традиционные религии

16 век был не только временем религиозных потрясений: это было временем, вернее, началом «Научной революции». Рядом с традиционными, унаследованными от позднего Средневековья мировоззрениями, начали появляться новые идеи о Боге, Вселенной и Природе – парадигмы, основанные на рационалистической философии и эмпирических наблюдениях. Продемонстрировав силу новых концепций и подходов, Научная революция подготовила тем самым почву для начавшейся в 17 веке Эпохи Просвещения в Европе, отмеченной, помимо прочего, стремлением философов к построению свободного от предрассудков рационального общества.

Появление альтернативного традиционному религиозному мировоззрению видения не привело к исчезновению религии. Наоборот, увеличение численности адептов Ислама и Христианства характеризовало данный период в той же мере, что и Научная революция и Просвещение.

Об этом сложном – частью конфликтном, частью комплементарном – взаимоотношении новой философии и науки со старыми религиями – и пойдет речь в этой лекции.

Начавшуюся в Европе в 16 веке Научную революцию невозможно объяснить не ссылаясь на контекст Глобальной конвергенции. Конвергенция стала результатом открытия новых земель и усилившихся контактов между отдаленными регионами Евразии. Обнаружение европейцами культур и цивилизаций, не затронутых известными им религиями, стало не только толчком к возобновленному крестоносному рвению европейского духовенства. Эти открытия одновременно послужили росту скептицизма на континенте относительно непреложности христианских истин. Появление знания о регионах, отделенных от Европы тысячами километров, и народах, населяющих их совпало с многократно возросшим интересом к античной и исламской науке и философии. В совокупности, греческая философия, часто в ее арабской обработке, мусульманская наука, шок и скептицизм, вызванные контактом с ранее неизвестными европейцам народами создали условия для критики и замены средневековой парадигмы понимания мира и человека в нем.

Пожалуй, самым ярким символом появляющегося нового миропонимания стала гелиоцентрическая система, предложенная ученым из польского города Торуня (по-немецки Торн) Николаем Коперником. Представление о Земле, как о центре замкнутой Вселенной Копернику казалось не соответствующим накопленным фактам о движениях небесных тел. Не Земля, утверждал Коперник, а Солнце должно было быть поставлено в центр космоса в виде статичной точки отсчета. В этом изменении перспектив и скрывался смысл эпистемологического переворота в мышлении.

В дальнейшем коперниковская система подверглась серьезной модификации. Иоганн Кеплер, используя данные, собранные датским астрономом Тихо Браге (в защиту старой, геоцентрической теории), пришел к выводу, что планеты – Земля в том числе – прочерчивают траекторию эллипса, а не круга, и что Солнце располагается в одном из двух фокусов этого эллипса. Кеплер, вдохновленный платоническо-пифагорейской идеей о существовании «идеальных геометрических фигур», попытался первоначально вписать в них траекторию движения известных ему планет. Поняв, что наблюдения не соответствуют его философским убеждениям и приняв тщетность таких попыток, он в итоге сформулировал свои знаменитые три закона.

Другой ученый, итальянец с мистическим уклоном Джордано Бруно, предложил считать вселенную бесконечным организмом, а солнечную систему – одной из мириад других систем, расположенных в нем. Его же можно считать родоначальником идеи о параллельных мирах и инопланетянах. Важнейшую роль в продвижении идей Коперника сыграли работы итальянского ученого Галилео Галилея. Книга «природа», утверждал Галилео, лежит раскрытой перед нами для нашего прочтения, так как написана она языком математики. Следуя своему убеждению, он использовал математический аппарат, чтобы продемонстрировать преимущества гелиоцентризма перед традиционной, птолемеевской моделью.

Научная революция проходила на первых порах в виде неких вспышек, возникающих тут и там новых теорий, зачастую совершенно противоположных друг другу по смыслу. В 17 веке научная деятельность обрела, недостающую ей ранее системность. На институциональном уровне это отразилось в создании первых академий наук – в Лондоне в 1660 году было осно-

вано Королевское общество по развитию знаний и природе (1660); в Париже Французская академия в 1666, в Берлине Прусская академия в 1700 и даже в далекой России, в недавно основанном Санкт-Петербурге так называемая Императорская в 1724. На более абстрактном – эпистемологическом – уровне, систематизация выразилась в консолидации двух философских систем, претендующих на главенство в формировании научного метода. Последователи рационализма – такие как Рене Декарт, Бенедикт (Барух) Спиноза, и Готфрид Лейбниц – считали, что в получении знания исходить нужно из структуры самого постигающего разума, т. е. из концепций, в основном математических и метафизических, независимых от каприза и непостоянности чувств. Их оппоненты – эмпирики (Фрэнсис Бэкон, Джон Локк и прочие) – утверждали наоборот, что все понимание должно происходить из опыта и только опытом может быть подтверждено или опровергнуто. Находящиеся в видимом противоречии, рационализм и эмпиризм подчеркивали лишь разные аспекты научного процесса – и тем самым, во взаимодействии с друг другом, усиливали значимость научного мировоззрения. В определенном смысле, обобщающая достижения предыдущих ученых механика Ньютона соединила в себе математическую изобретательность рационализма с наблюдательностью эмпирической физики.

Сформировав новое видение мира, Научная революция стала предтечей периода в европейской интеллектуальной истории, называемым Эпохой Просвещения – или просто Просвещением. Несмотря на различия, деятели Просвещения пытались применить показавший свою состоятельность в естественных науках рациональный подход к пониманию самого человечества; стремление выявить рациональное и исключить нерациональное в обществе вылилось в критику Старого Режима («ancien régime» по-французски). Построенный на основе унаследованных привилегий, Старый Режим – т. е. вся современная философия Просвещения, сословная система взаимодействия власти и подданных – шел вразрез с мыслью о фундаментальном, базирующемся на общности разума, равенстве между людьми, может и не всеми, то, на худой конец, особями мужского пола. Джон Локк, английский мыслитель, выдвинул идею о естественных – т. е. неотъемлемых от самой сути разумного человека – правах: на жизнь, свободу, и собственность. Эти права должны были стать ограничительными принципами для всякого государства, лейтмотивом для любой – пусть и ненаписанной – конституции. Его французские коллеги – Дени Дидро, Вольтер, Руссо и прочие – критиковали общественные преграды на пути к реализации эгалитарного идеала Просвещения. Среди этих преград одни видели Церковь, другие, как Руссо, частную собственность, третьи – невежество масс, четвертые, выражаясь словами Российской императрицы Екатерины II – «самовластие, необузданное добрыми и человеколюбивыми качествами». Последняя, кстати, принадлежала к категории так называемых «Просвещенных деспотов», т. е. монархов, усмотревших в своей абсолютной власти инструмент по реализации отдельных пунктов в программе Просвещения: скажем, развития образования, более рационального судопроизводства, справедливого налогообложения и т. п.

В краткосрочной перспективе это позволило несколько ослабить критический напор мыслителей эпохи, но не нейтрализовать его: их идеи, по мере роста буржуазии, недовольной своим положением внутри старорежимной иерархии, превращались в ее руках в мощное пропагандистское оружие борьбы. Распространению постулатов Просвещения способствовали повышению уровня грамотности, росту экономического благосостояния и развитию книгопечатания, сделавшего книги более доступными. Обыватели могли узнать о главных научных и общественных веяниях из популярных работ Вольтера или же из таких обобщающих справочных изданий, как Словарь Пьера Бейля, многотомная Энциклопедия наук, искусств и ремесел Дени Дидро и Жана Лерона Д'Аламбера, или же Словарь английского языка Самуэля Джонсона. Таким образом, философское Просвещение, движимое идеалом Разума, готовило общество к настоящей Революции, призванной очистить все сферы общественной жизни от «архаичных предрассудков прошлого».

Несмотря на все сказанное ранее, ни Научная революция со своим новым взглядом на природу, ни критически настроенное Просвещение не стали концом религии. Наоборот – время Коперника, Галилео и Вольтера – это еще и период драматической экспансии мировых религиозных систем – Ислама и Христианства в первую очередь.

Рост Ислама происходил в основном в двух направлениях: в юго-западном, через Сахару по торговым путям в Центральную и Западную Африку, и в юго-восточном, в сторону Индии, Индонезийского архипелага и Филиппин. Этому процессу содействовали, во-первых, усиление мусульманских держав – таких как Империи Великих Моголов в 17 веке, или же ставшего региональной морской державой Оманского султаната в 18 веке. Первостепенной была и роль меняющейся мировой экономики: наряду с правителями, основными носителями слова пророка стали купцы, мореходы и даже рабы, экспортируемые голландской Ост-Индской компанией в свою Капскую колонию.

Как правило, в новых регионах Ислам впитывал местные верования, принимая, таким образом, синкретические формы. Так, к примеру, было в Бенгалии, куда Ислам попал благодаря деятельности суфийских дервишей, последователей мистического течения в Исламе. В этом многолюдном сельскохозяйственном регионе политеистические индуистские традиции – целая плеяда культов, сеть святых мест, многообразие поверий и т. п. – как бы прошли процесс реинтерпретации и кооптации в рамках мусульманской религии. Что-то подобное происходило и в юго-восточной Азии, в регионе Зондских островов и южных Филиппин (на Миндандао), где Ислам вошел в соприкосновение с принесенным испанцами Христианством.

Подобно Исламу, Христианство было обязано своим распространением как подъему в геополитической значимости западноевропейских королевств, так и развитию торговых связей между отдаленными регионами планеты. Испанское владычество в Южной и Центральной Америке, португальское присутствие в Бразилии и Анголе означали обращение коренного населения в католическую веру. Нет сомнений в том, что массовые переходы в новую религию оставались часто поверхностными, и что местные жители продолжали воспринимать христианскую религию колониальной власти сквозь призму знакомых им с доколониальных времен религиозных практик и концепций. Так, в Мексике индейцы Нахуатль – к коим относились и Ацтеки – называли католических священников так же, как прежде ацтекских жрецов – теопантлаками. Под влиянием местных обычаев и поверий, католицизм в Центральной Америке дал начало синкретическому пантеону, в котором наряду с католическими святыми присутствовали, пусть в измененном варианте, божества из древних индейских религий.

В Азии, не имея за собой государственной поддержки, христианские миссионеры вынуждены были действовать с большой долей осторожности. В Китае и Японии они столкнулись с устоявшимися культурами – Конфуцианством, Дзен Буддизмом, Синтоизмом, Даосизмом и т. п. Их последователи в той или иной степени взаимодействовали с государственным аппаратом, зачастую являясь его интегральной частью; видя это, католическая церковь рекомендовала своим эмиссарам – членам иезуитского ордена – как минимум не провоцировать власть имущих, и одновременно использовать понятные массам религиозные концепции, подчеркивая параллели с существующими культурами и умалая различия с ними. Несмотря на это, христианские священнослужители так и не смогли снискать полного расположения властей, что и было продемонстрировано Маньчжурами, изгнавшими миссионеров из Китая в 1704 году. В Японии же, запрет на распространение христианства был наложен еще в первой половине 17 века.

Сказанное выше показывает, насколько сильной была связь между вопросом власти и вопросом веры. Рост Ислама следовал во многом экспансионистской динамике мусульманских империй; христианские миссионеры достигли наиболее впечатляющих успехов в обращении населения в свою веру в Испанской колониальной империи. Неудивительно, поэтому, что изменения геополитической конъюнктуры серьезнейшим образом должны были отразиться и на религиозно-интеллектуальной карте мира. В 1700 году власть в мире была распределена более-менее равномерно между империями Запада и Востока. К концу века ситуация станет иной, и баланс сил начнет корениться в сторону Европейского континента.